

Толстовские аллюзии в прижизненной критической рецепции Олдоса Хаксли¹

Тема «Лев Толстой и Хаксли» не могла не привлечь внимание отечественных литературоведов. Особенно плодотворным оказался 2012 год, когда вышли сразу две статьи, трактующие эту тему с двух возможных сторон: *литературоведческой* — Валерий Самуилович Рабинович (1965—2019)². и с *историко-религиозно-философской* — Юрий Владимирович Прокопчук³. Позже свои идеи и изыскания ученый развил в статье 2019 г. «Религиозно-философский синтез Л. Н. Толстого и О. Хаксли»⁴.

В. С. Рабинович приводит неопровержимые свидетельства значимости творчества Толстого для Хаксли, кратко прослеживает трансформацию отношения Хаксли к Толстому (от иронии конца 1920-х, когда «лицемерный моралист Барлеп из романа «Контрапункт» выводится как поклонник Льва Толстого»⁵) до превращения Л.Н. Толстого для Хаксли «из просто значимой фигуры мировой литературы в своеобразного духовного Учителя»⁶, вызывающего восхищение англо-американского автора в том числе и провидческим отображением профашистской риторики в образе Наполеона в «Войне и мире».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00584, <https://rscf.ru/project/25-28-00584/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

² Рабинович В.С. Образ России в творчестве О. Хаксли// Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 1. С. 85–88
https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/46194/1/Rabinovich_sal2012.pdf. (дата обращения: 15.09.2025)

³ Прокопчук Ю.В.Религиозно-философские идеи Л. Н. Толстого и концепция «Вечной философии» Олдоса Хаксли // Яснополянский сборник, 2012: Статьи, материалы, публикации. Тула, 2012. С. 309–310.

⁴ Прокопчук Ю. В. Религиозно-философский синтез Л. Н. Толстого и О. Хаксли // Вестник ПСТГУ. (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) Серия 1: Богословие. Философия. 2019. №83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskiy-sintez-l-n-tolstogo-i-o-hakсли> (дата обращения: 15.09.2025).

⁵ Рабинович В.С. Образ России в творчестве О. Хаксли// Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 1. С.85.

⁶ Там же.С.86.

Ю. В. Прокопчук сосредотачивается на моментах мировоззренческой общности между двумя авторами, аргументированно обнаруживая ее в своеобразном религиозно-философском синтезе, возникающем на основе осмысления традиций восточной и западной мысли, во внеконфессиональном подходе к вопросам веры, в основополагающем тезисе о единстве мира и человека, убежденности обоих авторов в существовании единой религиозной истины и возможности ее постижения каждым человеком, а также в апофатическом подходе к богопознанию⁷.

Однако, внимание исследователей еще не привлекала другая сторона проблемы, а именно — сближения между Толстым и Хаксли, спонтанно или мотивированно возникавшие **в сознании читателей-современников** Хаксли. Обращение к этой проблеме позволит нам не только сделать выводы о степени интенсивности влияния Толстого на творчество Хаксли, но и о роли русского классика в западном культурном сознании первой половины XX века.

Составитель капитальной антологии прижизненных откликов на тексты Хаксли Дональд Уотт начинает свое предисловие со следующей интермедиальной параллели:

«Для Олдоса Хаксли (1894–1963) жизнь и музыка несомненно имели одно общее качество: и то и другое можно описать как комбинацию сосуществующих несовместимостей. То же определение можно отнести и к критической рецепции самого Хаксли. Его приветствовали как эмансипатора современного ума и осуждали как безответственного вольнодумца; видели в нем ведущий интеллект своего времени и безграничное самолюбование собственной эрудицией; восхищались как остроумнейшим представителем своего поколения и недолюбливали как умного мизантропа. Несколько страниц его сочинений или половина карьеры в равной степени вызывали град несовместимых мнений.

⁷ Прокопчук Ю. В. Религиозно-философский синтез Л. Н. Толстого и О. Хаксли // Вестник ПСТГУ. (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) Серия 1: Богословие. Философия. 2019. №83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskiy-sintez-l-n-tolstogo-i-o-haksli> (дата обращения: 15.09.2025).

Рецензируя «Контрапункт», Уиндхэм Льюис возражал против «вульгарного потакания вкусам самых невзыскательных читателей пригородной библиотеки»<...>, в то время как Андре Моруа обнаружил на тех же страницах сцены, «достойные великих русских» <...>. В 1933 году Ч. П. Сноу утверждал, что в Хаксли «нельзя не разглядеть самого значительного английского романиста своего времени»<...>, в то время как Г. К. Честертон язвительно заметил: «[Он] идеально остроумен; но явно не в себе»⁸.

Итак, одно из первых сопоставлений Хаксли с «великими русскими» мы находим в эссе Андре Моруа, впервые опубликованном в качестве предисловия ко французскому изданию «Контрапункта» 1930 г.⁹ Имя Толстого в нем не названо, но, конечно, подразумевается. Апологетическая оценка английского литератора начинается с констатации: «... талант Хаксли от книги к книге совершенствуется и растет — от чистого интеллекта к чистой человечности, которая не исключает интеллекта, но и не может удовлетвориться одним только интеллектом»¹⁰. Далее обзор написанного Хаксли к 1930 г., представленный Моруа, построен так, чтобы свидетельствовать о «дальнейшем обогащении и углублении писательского дара»¹¹. Уникальность таланта Хаксли для французского литератора состоит прежде всего в том, что «он единственный ныне живущий романист, обладающий солидной научной культурой, усвоенной настолько прочно, что она полностью сформировала и определила его мировоззрение... Хаксли — обладатель очень точного представления о вселенной, доступного только великим ученым нашего времени, и он высекает из этого образа собственную поэзию»¹². Многообещающие перспективы творческой эволюции Хаксли связываются для Моруа с наблюдением, что «простая человечность отвоевывает себе все больше

⁸ Aldous Huxley: The Critical Heritage / Ed. by D. Watt. London, Boston, Mass.: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1975. P.1.

⁹ Andre Maurois on Huxley as a great Englishman// Aldous Huxley: The Critical Heritage. P.186—188.

¹⁰ Ibid. P.186.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

места в его творчестве и возвращает себе почву, занятую когда-то блестящим парадоксом. «Элементарные интеллектуальные схемы стоит заменить сложностями реальной жизни», — вспоминает А. Моруа слова персонажа «Контрапункта», своеобразного *alter ego* автора, Филипа Куорлза. «Гораздо проще иметь глубокие идеи о метафизике и социологии, чем лично знать и интуитивно понимать своих собратьев и поддерживать нормальные отношения со своими друзьями и с теми, кого ты любишь — с женой и детьми». В «Контрапункте» Хаксли показывает, что ему как автору это под силу. Что и говорить, он, конечно, блестящий сатирик. Миссис Беттертон, мистер Сита Рам и, прежде всего, восхитительный Барлеп — это образы диккенсовской мощи. Но начальные сцены романа — между Уолтером и Марджори, — трагичны и правдивы, они достойны великих русских, и давайте видеть в этом новый вид панегирика в честь великого англичанина»¹³. Итак, научность плюс человечность — в этом сочетании видится Моруа и залог успешной творческой эволюции Хаксли и его близость к «великим русским».

В своей рецензии на роман «О дивный новый мир», вышедшей 5 февраля 1932 г в «Дейли телеграф», известная британская писательница, журналистка и литературный критик Ребекка Уэст отважно сопоставляет роман Хаксли с русской классикой:

«Только в конце книги становится ясно, какую именно литературную задачу поставил перед собой Олдос Хаксли. Он переписал в духе нашего времени главу «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых». В наши дни Достоевский не в моде, отчасти потому, что пишет с жаром и страстью, которые научил нас презирать Т.С. Элиот с его эпигонским классицизмом, а отчасти потому, что за простыми и слоноподобными неврезами Толстого не слишком внимательному глазу уследить легче, чем за тонкими духовными брожениями Достоевского. Но «Великий инквизитор» — исполненное смыслом высказывание, которое каждое

¹³ Ibid. P.188.

поколение должно перечитывать заново. В нём Христос вновь посещает землю, творит чудо на улицах Севильи и немедленно, по приказу кардинала, оказывается в темницах инквизиции»¹⁴.

Как и в большинстве сопоставлений с русской классикой, Толстой здесь идет в паре с Достоевским с преимущественным вниманием к последнему. Нельзя не отметить также, что Ребекка Уэст, автор одной из первых биографий Генри Джеймса, увидевшей свет в 1916 г., в своей беглой, иронически-упрощенной отсылке к Толстому, явно следует весьма приблизительной и обобщенной оценке Толстого американским классиком Генри Джеймсом и даже заимствует его анималистическую образность. Вспомним, что Джеймс писал в 1896 г.: «Толстой — зеркало величиной с огромное озеро, гигантское существо, впрягшееся в свою великую тему — вся человеческая жизнь! — точно слон, который тащит не один экипаж, а целый каретный сарай. Сам он — грандиозен и вызывает восхищение, но не вздумайте следовать его примеру: учеников, которым не дано его слоновой мощи, он может только сбить с дороги и погубить»¹⁵.

В 1933 г. 17 февраля в «Кэмбридж Ревью» выходит обзорная статья известного английского романиста и ученого Чарльза Перси Сноу (1905—1980) «Случай Олдоса Хаксли», в которой литератор рассуждает о значении творчества молодого писателя и вписывает его в литературный процесс Великобритании¹⁶.

Важнейшим качеством прозы Хаксли для Сноу является *brightness* — легкость, яркость, живость мысли, и он противопоставляет ее тяжеловесному педантизму других писателей: «Кем бы мы ни были, мы склонны воспринимать чьи-то взгляды всерьёз, лишь когда их долго и тяжело вдавливают нам в голову, пока они нам не наскучат — и только тогда неизбежно впечатлят. Подобным же образом мы по-настоящему

¹⁴ West R. "Aldous Huxley on Man's Appalling Future" // Daily Telegraph. 5 February 1932. P.7.

¹⁵ Джеймс Г. Иван Тургенев (1818—1883)/ Пер. М. А. Шерешевской // Джеймс Г. Женский портрет. М.: «Наука», 1982. С.526.

¹⁶ (73) Two opinions of Huxley's significance. 1933. Review article, based on Huxley's *Texts and Pretexts*, by C. P. Snow, entitled 'The Case of Aldous Huxley,' Cambridge Review, 17 February 1933, liv, pp. 249-50,

ценим литературное творчество лишь тогда, когда без малейшей надежды на послабление, мы вынуждены продираться сквозь слова, страницы, главы. Только в этом случае мы убеждаемся в истинности чувств художника; мы пристально вчитываемся в отрывок о старце Зосиме из «Братьев Карамазовых» и в сухие генеалогии второй части «У Германтов» – и своей абсолютной, ничем не омрачённой скукой они усиливают, реально и неоспоримо усиливают аналогию между творческим процессом и творением. Скука способствует серьёзному и глубокому восприятию произведения искусства в той же степени, в какой живость отвлекает от него»¹⁷.

Сноу продолжает: «[Хаксли] обладает умственными качествами, которые у других писателей отсутствуют; и поскольку он их обнаруживает, есть искушение заключить, что ничем другим он и не может похвастаться. Хотя на самом деле его достоинства куда более многочисленны. Он обладает той же восприимчивостью к чувственному миру, которой наделен каждый крупный романист со времён Пруста, писавшего о своей спальне в Комбре. Он не передаёт чувственную сторону мира с захватывающей дух точностью Джерхарди¹⁸, или с изящной лёгкостью Форстера, или с энтузиазмом Вирджинии Вулф. Но эти трое, мастера передавать чувственную сторону бытия, в какой-то момент бессильно останавливаются, в то время как Хаксли мастерски передаёт эмоции и представления о людях – что, возможно, и должно составлять существенную часть искусства романиста. При этом он проявляет интуицию, эмоциональную чуткость, которую мало кто превзошёл из великих романистов – безусловно, Достоевский, безусловно, Толстой, возможно, Тургенев, возможно и Лоуренс (в какой-то своей неуклюжей манере). Читаешь «Шутовской хоровод», «Эти опавшие листья» или

¹⁷ Snow Ch. P. "The Case of Aldous Huxley"//Cambridge Review, 17 February 1933, liv, pp. 249—250.

¹⁸ Уильям Александр Джерхарди, или Герхарди (англ. William Alexander Gerhardt, собственно Gerhardt (1895 — 1977) — английский писатель, родившийся в Петербурге, прославившийся романом «Полиглоты» о Гражданской войне в России, монографией о творчестве А. П. Чехова «Антон Чехов. Критическое исследование». См. также: Красавченко Т. Н. Уильям Джерхарди: английский писатель с русским акцентом - о революции и Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 941-957.

«Контрапункт» и всё это чувствуешь. И тем не менее, вас всё время не покидает некое неловкое чувство, некий тревожный вопрос: художник ли он, подобно другим? А может он просто очень умный человек, искусно маскирующийся под художника? А может он представляет прекрасно сконструированную модель истинного художника? Думаю, многие из нас испытывали подобные сомнения»¹⁹.

Через неделю, 24 февраля 1933 г. редакция опубликовала письмо некой Элизабет Даунс, свидетельствующее о том, что далеко не все читатели разделили высокую оценку Сноу, ставящего Хаксли на один уровень с Толстым и Достоевским. Письмо начинается так:

«Сэр, доктор Сноу отважно представляет Олдоса Хаксли как “самого значительного английского романиста своего времени”, достойного сравнения с самыми великими писателями прошлого. Он считает, что Хаксли сочетает в себе блеск и глубину интеллекта с интуицией и чуткостью в передаче эмоций, которые ускользают от внимания среднего, а порой даже и не совсем заурядного читателя, не способного угнаться за живостью мысли Хаксли»²⁰. И продолжает: «Не соглашаться с доктором Сноу – значит опрометчиво ставить себя под удар, и, следовательно, автоматически зачислить себя в разряд тупиц и тугодумов. Однако, должна признаться, я всё же обнаруживаю себя среди тех, кто испытывает, пользуясь его словами, «некое неловкое чувство тревоги», когда слышу, как Хаксли помещают в один ряд с Достоевским и Толстым. Доктор Сноу не приводит никаких иллюстраций богатства и разнообразия эмоциональных интуиций Хаксли, а я не совсем понимаю, где их искать»²¹.

¹⁹ Snow Ch. P. Op.cit.

²⁰ Elizabeth Downs in reply to Snow//Cambridge Review. 24 February 1933, liv, p. 272. P.226—227

²¹ Ibidem.

Одним из первых откликов на литературно-критические статьи Хаксли и одновременно первым внятными анализом его литературно-эстетических воззрений стала статья 1933 г. швейцарского литературоведа Ганса Вальтера Хойзермана (1902—1973) «Олдос Хаксли как литературный критик»²².

Имя Толстого всплывает в обзоре Хойзермана в весьма неожиданном контексте. Казалось бы, естественно было бы ожидать его упоминание в связи с великими реалистическими романами, например, Бальзака, или Голсуорси... Однако Толстой приходит на ум литературоведу в связи с отношением Хаксли к елизаветинской поэзии.

«Читатель романов Хаксли будет, возможно, удивлен, увидев, что этот автор как литературный критик безоговорочно отстаивает елизаветинский идеал литературы. Логичнее, казалось бы, ожидать, что он отдаст свои предпочтения менее энергичным, но гораздо более просвещенным поэтам-классицистам <...> Елизаветинцы понимали, что возвышенное и гротескное, высокое и низкое, трагедия и фарс неразделимы. Не поработанные условностями, они воздавали должное обеим сферам и находили для каждой из них надлежащее выражение и подобающее место в общей картине мира. Хаксли ценит в елизаветинцах не их поэтическую силу, не полет их фантазии, хотя и отдает им должное, но их непредвзятый взгляд на мир. Эта позиция весьма характерна для самого Хаксли как художника: то, к чему он стремится и что он хочет, чтобы каждый писатель сделал своим идеалом, — это полное и непредвзятое понимание жизни. Таким образом, самый эрудированный автор наших дней выступает в качестве защитника эпохи, которую Вольтер назвал варварской, и [Хаксли] защищает ее именно за ее варварство»²³.

Неожиданное исключение Хаксли делает, тем не менее, для

²² Hauserman Hans W. 'Aldous Huxley as Literary Critic' // PMLA, September 1933, xlviii, pp. 908-18— Aldous Huxley: The critical Heritage/ Ed. by D. Watt. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975. P.232—236.

²³ Ibid. P.234.

знаменитого поэта-елизаветинца Эдмунда Спенсера (1552—1599), старшего современника Шекспира, «принца поэтов», впервые привившего английскому стиху сладкозвучие и музыкальность. Спенсер оставил после себя мастерски написанные произведения в каждом жанре поэзии: от пасторали и элегии до сонетов и огромной и незаконченной эпопеи «Королева фей».

Для Хаксли созданное Спенсером не имеет высокой ценности: он, по наблюдению Хойзермана, «исключает имя Спенсера из своего общего гимна английскому Возрождению. В противовес единодушному мнению критиков и поэтов, он признаётся в своей неспособности восхищаться автором «Королевы фей», видя в нем лишь виртуоза, высокоодарённого версификатора, способного «извлекать сотни безупречно рифмованных строф из пустого ума». Хаксли ни во что не ставит эстетическое наслаждение, доставляемое пышным потоком спенсеровской поэзии, и этим суждением решительно ставит себя в один ряд с моралистами, подобными Шоу и Толстому. Литература, по Хаксли, должна прежде всего способствовать более глубокому пониманию ошеломляющего зрелища жизни. Спенсер же, напротив, погружает читателя в своего рода интеллектуальное оцепенение — абсолютно непростительный грех в глазах Хаксли. Для него неотъемлемые качества писателя — это живость ума и всеобъемлющее любопытство»²⁴.

Несомненный интерес для нас представляет рецензия на роман, вышедший в 1936 г., «Слепец в Газе», подготовленная Дэвидом Гарнеттом в том же году²⁵. Дэвид Гарнетт (1892—1981), плодовитый романист и литературный критик, происходил из английской писательской династии Гарнеттов: его отец Эдвард был писателем и редактором, дед Ричард — писателем и библиотекарем, мать, знаменитая Констанс Гарнетт — одной из первых переводчиков русской литературы, включая Толстого. Она

²⁴ Ibid. P.234—235.

²⁵ (79) David Garnett, review in *New Statesman and Nation*. 20 June 1936, xi [n.s.] p. 970— — Aldous Huxley: *The critical Heritage*/ Ed. by D. Watt. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975. P.248—250.

посетила Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде. Считается, что переводы К. Гарнетт, хорошо воссоздающие дух подлинника, оказали существенное влияние на общий уровень переводческого искусства в англоязычном пространстве.

Первая отсылка Д. Гарнетта к Толстому носит отчетливо иронический характер и связана, скорей всего, с его собственной читательской рецепцией классика.

«Измученные морской болезнью и скучающие пассажиры внезапно просыпаются: за иллюминаторами проплывают очертания зеленых холмов, звенит колокол, и ритм морской качки меняется. Земля! Наконец-то земля! Жизнь снова станет интересной и забавной. Появление нового большого романа «Слепец в Газе» Олдоса Хаксли был для меня, пассажира со слабым желудком, подобен появлению земли в иллюминаторе. Вот, наконец, мир, в котором знаешь дорогу, в котором персонажи чувствуют, думают и говорят как образованные люди с открытым умом. Несомненно, это будет приятная компания <...>. Радостно сойдя на берег и нагуляв аппетит, я поначалу был шокирован, обнаружив, что улицы прибрежного города кишат объявлениями: «Проезда нет», и моя приятная прогулка постоянно прерывается. На суперобложке нас предупреждают: «Вместо хронологической последовательности – контрапункт из четырёх повествований о разных эпохах жизни героя»... Поначалу вывески «Проезда нет» раздражают, и читатель жалеет, что приходится снова и снова прибегать к контрапункту, но практика примиряет; не так сложно, как можно было бы ожидать, держать последовательности в голове, и ты, в конце концов, испытываешь благодарность за всё, за всё, что отвлечёт тебя от 1934 года. Именно это, а не всякая ерунда с контрапунктом, кажется мне причиной и оправданием метода. Если бы главы были расположены в хронологической последовательности, никто бы никогда не смог закончить книгу, так же как никто не может прочитать последние главы «Войны и мира». Удачный приём мистера Хаксли позволяет философским размышлениям его героя рассредоточиться по всей книге»²⁶.

Далее Д. Гарнетт переходит к анализу круга чтения персонажей «Слепца в Газе», и тут Толстой всплывает вторично, уже подчиняясь воле романиста, а не только рецензента. О полуавтобиографическом протагонисте романа Энтони Бивисе Д. Гарнетт замечает: «Он воображает,

²⁶ Ibid. P.249

что похож на Гамлета, и причиной тому его огромный багаж знаний и излишняя образованность. Его настоящая беда, похоже, в том, что он – жертва слов; что он никогда не может перестать вычленять факты и идеи, словно энтомолог, систематизирующий коллекцию мёртвых бабочек. <...> Энтони и его друг Марк Стэйтс – чистокровные интеллектуалы, но вместе с тем они всегда говорят глубоко ложные вещи, например: «Жизнь настолько обыденна, что литературе приходится иметь дело с исключительным». Это достигает своего апогея, когда, перечитав «Анну Каренину», Марк Стэйтс жалуется на то, чего ему в ней не хватает»²⁷.

Далее процитируем текст «Слепца в Газе» в переводе Михаила Ловина (глава 46):

«Марк сказал за ужином, что перечитывает «Анну Каренину». Она ему нравилась, как и все романы. Он лишь пожаловался на крайнюю неправдоподобность даже самой лучшей беллетристики. И начал перечислять все недостатки. Почти никакого внимания маленьким физиологическим событиям, которые определяют, будет ли день иметь приятный или неприятный тон. Испражнение, например, способное создать или испортить весь день. Пищеварение. И для героинь романа их месячные драмы. Затем небольшие заболевания — катар, ревматизм, головные боли, усталость глаз. [...] Не говоря уже, конечно, о роли, которую играют простые чувства, доставляющие удовольствие. Горячая ванна, например, вкус бекона, мех на ощупь, запах фрезий»²⁸.

Д. Гарнетт вступает в полемику с персонажем Хаксли, и эта полемика по-своему показательна:

«Однако, ведь именно это Толстой и делает; это является основой счастья Левина и восхитительного добродушия Стивы. Отсюда можно лишь заключить, что Марк никогда не читал «Анну Каренину», не говоря уже о том, чтобы перечитывать её. Анна, громко смеющаяся над чувством

²⁷ Ibidem.

²⁸ Хаксли О. Слепец в Газе/ Пер. М. Ловина. М.: AST Publishers, 1922.
https://1.librebook.me/eyeless_in_gaza/vol1/47 (дата обращения: 15.09.2025)

восторга, охватившим её, когда она приложила прохладную гладкую поверхность своего ножа для разрезания бумаги к щеке, — один из бесчисленных примеров, которые он не мог пропустить. Однако мистер Хаксли не мог ожидать, что мы заключим, будто его персонажи перебрасываются словами в вакууме. Он просто забыл книгу и использовал её название наугад, точно так же, как наугад он заставляет своих героев читать стихи Эдварда Томаса задолго до их публикации или написания и обсуждать движение пивоваров за истинную трезвость до войны, тогда как оно было *послевоенным* ответом на пропаганду сухого закона. Соблазн привести список подобных ляпов возникает лишь потому, что мистер Хаксли, подобно Энтони, одержим не относящимися к делу фактами и уснащает ими свои страницы. Даже когда эти идеи действительно интересны, они неуместны и портят книгу»²⁹.

Все сказанное не мешает Гарнетту заключить, впрочем, что «Слепец в Газе» — всё же лучший роман мистера Хаксли. «“Слепец в Газе” — прелесть, но в целом план быстрого перемещения во времени — ошибка. Если бы соблюдался хронологический метод, я бы бросил читать на странице 500 и пропустил бы почти все скучные части книги. В финале Энтони обретает новую мудрость, часть которой заключается в том, чтобы сосредоточиться, подобно йогу, на процессе надевания обуви, потому что средство важнее цели. *Какое занудство*» (What a bore)»³⁰.

Этой фразой заканчивается рецензия Гарнетта, и уместно будет отметить, что она содержит прямую отсылку к полемике персонажей, инициированной толстовской аллюзией, которую Гарнетт, как мы видели, считает дежурным упоминанием, лишенным действительного знания толстовского текста.

Еще раз вспомним роман «Слепец в Газе». Марк Стейтс, отталкиваясь от своих умозаключений о недостатках толстовского романа «Анна Каренина», экстраполирует эти недостатки на художественную

²⁹ Garnett D. Review. P. 249.

³⁰ Ibid. P.250.

литературу в целом: «Ложь по упущению неизбежно превращается в позитивную ложь. Литература намекает, что людей контролирует если не разум, то по крайней мере внятные, хорошо организованные, открыто проявляющиеся чувства. В то время как факты свидетельствуют об обратном. Иногда чувства играют роль, а иногда нет <...> Обыкновенный тик или действие различных раздражителей, безумные и неподотчетные желания играют в человеческой жизни такую же роль, как и организованные и допустимые чувства. Любая художественная литература отрицает подобный факт и распространяет чудовищную ложь о природе мужчины и женщины.

Несомненно, это правильно. Потому что если бы людям показывали, кто они есть на самом деле, они бы либо поубивали друг друга, как клопов, либо сами сунулись в петлю. Но тем не менее я больше не могу утруждать себя чтением беллетристики. Выдумка и ложь мне не интересны. Как бы поэтично они ни были бы выражены. **Это всего лишь занудство»**³¹.

В этой полемике, инициированной толстовской аллюзией, на наш взгляд, важно даже не то, насколько глубоко и верно оценивается роман «Анна Каренина» и художественный метод Толстого, и не то, кто из персонажей, спорящих о природе и полезности художественной литературы ближе к позиции автора. Существенней другое: разговор о Толстом перерастает в спор о художественной литературе в целом, в спор, полноправным участником которого становится рецензент «Слепца в Газе», ловящий на слове то ли автора, то ли его персонажа и тем самым иронически уводящий своих читателей от окончательных оценок.

Последнее упоминание имени Толстого в прижизненных отзывах на творчество Хаксли относится к 1954 г. и принадлежит канадскому филологу Карлайлю Кингу (1907—1988), автору статьи «Путь Олдоса

³¹ Хаксли О. Слепец в Газе/ Пер. М. Ловина. М.: AST Publishers, 1922.
https://1.librebook.me/eyeless_in_gaza/vol1/47 (дата обращения: 15.09.2025)

Хаксли к Богу»³². Общая направленность статьи — «опровергнуть модную точку зрения, что высшие достижения Хаксли относятся к раннему творчеству с его негативной и циничной направленностью»³³. Следует отметить, что Карлайль Кинг, да, пожалуй, еще Пол Блумфелд, были среди очень немногочисленных критиков, которые настаивали на ценности поздних произведений Хаксли при жизни писателя. Как писал П. Блумфилд, «постепенно [Хаксли] заявил о себе как один из немногих, кто способен создать в наше время культурный синтез... Его обеспокоенность судьбами человечества настолько очевидна, что читатели, которые не видят в его поздних произведениях ничего, кроме одержимости и злобы, просто неспособны адекватно оценить его намерения или его талант»³⁴. В свою очередь, К. Кинг выстраивал собственную концепцию творчества Хаксли, подчеркивая: «С самого начала он, кроме всего прочего, был истово серьезным мыслителем, стремящимся разглядеть некую закономерность в окружающем и отыскать некий ключ к светлому будущему <...> Удивительно, как можно не заметить серьезности намерений Хаксли, принимая во внимание очень недвусмысленное изложение его взглядов в сборниках эссе и путевых заметок, которые он публиковал одновременно с романами и рассказами. В книге «На грани» (On the Margin, 1923) он пишет об ужасе, который внушает ему погоня за удовольствиями, о неприязни к сенсуалистам и эстетам и о своей неспособности “понять взгляд на жизнь человека, живущего ради ощущений, а не идей и эмоций”. Он указывает на то, что существует диапазон мышления, каким обладал Достоевский, Блейк или Бетховен, и скептический иронист вроде Литтона Стрейчи просто не может его охватить. [Олдос Хаксли] чем-то напоминает Мэтью Арнольда или Т. Г. Хаксли, когда пишет в сборнике «Вдоль дороги» (1925), что

³² King C. Aldous Huxley's Way to God, // The Queens Quarterly, Spring 1954, lxi, pp. 80-100. P.388—394. — — Aldous Huxley: The critical Heritage/ Ed. by D. Watt. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975. P.388—394.

³³ Ibid. P.388.

³⁴ Bloomfield P. Uncommon People: A Study of England's Elite. London: Hamish Hamilton, 1955. P.140-141.

существует «абсолютный стандарт художественного достоинства... и этот стандарт в конечном итоге — морального свойства»³⁵.

О романе, который мы только что обсуждали, К. Кинг пишет: «В «Слепце в Газе» (1936) проявился настоящий Олдос — и остался таковым в двенадцати последующих книгах. «Слепец в Газе», самый длинный, самый сложно устроенный и самый богатый мыслью из романов Хаксли, — это «объективный коррелят» того, что происходило в душе автора в 1934 и 1935 годах. Вымышленная жизнь Энтони Бивиса — это притча о внутренней жизни Олдоса Хаксли». И далее: «Энтони Бивис <...> находит в себе огромное мужество, подобное мужеству раннего христианского мученика, перестать быть просто умным и открыться миру во всем богатстве его проявлений. Поступая так, он перестает быть интеллектуалом и становится человеком. Нечто подобное произошло с Олдосом Хаксли. В «Сером Преосвященстве» (1941) есть знаменательный отрывок, где Хаксли описывает обращение Франсуа Леклерка, который должен стать отцом Жозефом. Молодой человек вел себе так называемую нормальную жизнь, полную неприличной тривиальности, и вот внезапно, без видимой причины, на вечеринке он осознает полную тщетность своего существования»³⁶.

Далее процитируем русский перевод «Серого Преосвященства», выполненный В. Гольшевым и Г. Дашевским: «Большинству из нас, я думаю, приходилось пережить нечто подобное — очнуться от сна повседневной жизни и вдруг осознать себя и природу окружающего.

«Вечеринка ли это в гостиной?

Люди теснятся, как на земле теснились.

Кто пунш отхлебывает, кто чай,

И все безмолвны,

Все немы и обречены» [отрывок из поэмы В. Вордсворта «Питер

Белл» — Peter Bell, by W. Wordsworth 1798, опубликовано в 1819].

³⁵ King C. Op.cit. P.388—389.

³⁶ King C. Op.cit. P.390—391.

Вдруг осознать, что ты сидишь, обреченный, среди других обреченных, — весьма обескураживающее переживание; настолько обескураживающее, что большинство из нас под его влиянием еще увлеченнее предается своему разрушительному занятию в надежде — как правило, оправдывающейся — хотя бы на время заслониться от беспощадного прозрения»³⁷.

В контексте таких рассуждений уже неудивительно прямое сопоставление Хаксли с Толстым: «Доктрина «Целей и средств» и «Вечной философии» проповедуется в романах «Через много лет» (1939) и «Время должно остановиться» (1944). По сути, эти романы — это морально-назидательные тексты, подобные произведениям Толстого, написанным после его обращения к религии»³⁸.

Заключение

Как известно, Хаксли принципиально не читал, что писала о нем критика. Как пишет Д. Уотт, «если Хаксли и досаждало пренебрежение критиков к его замыслам, то он редко это показывал. Его реакции на критику были немногочисленными, уклончивыми и обычно непубличными. Порой он мог ответить письмом рецензенту <...> Но ближе к концу своей карьеры он говорил интервьюерам, что критика «никогда не оказывала на меня никакого влияния по той простой причине, что я ее никогда не читал. Я никогда не ставил себе целью писать для какого-то конкретного человека или аудитории; просто старался делать свою работу как можно лучше и все. Критики меня не интересуют, потому что их волнует то, что уже сделано, а меня — то, что будет дальше»³⁹. Биограф Хаксли Сибилла Бедфорд подтверждает эту точку зрения, вспоминая дом Хаксли на юге Франции в 1930-е годы: «Не было никаких газет <... > Конечно, ему постоянно приходили кипы рецензий со всего

³⁷ Хаксли О. Серое Преосвященство. Эюд о религии и политике/ Пер. В.Голышева и Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С.44.

³⁸ King C. Op.cit. P.392.

³⁹ Watt D. Introduction// Aldous Huxley: The critical Heritage/ Ed. by D. Watt. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975. P.3.

мира. Они по большей части оставались не только непрочитанными, но и нераспечатанными»⁴⁰. Так что параллели или противопоставления с Толстым, проводимые критикой, вряд ли были замечены Олдосом Хаксли.

С другой стороны, нельзя переоценивать и иронически-пренебрежительные замечания об «Анне Карениной», которые Хаксли вкладывает в уста одного из эпизодических персонажей в «Слепце в Газе», упреки в том, что автор «Анны Карениной», а по умолчанию — и художественная литература в целом, выносит за скобки всю физиологию. Упреки эти невозможно считать адресованными только Толстому. И подтверждается это не только тем, что вложены они в уста персонажу, весьма далекому от авторской позиции. Отметим, что в романе «Гений и богиня» мы находим сходные иронические шпильки в адрес совсем других, не менее значительных столпов мировой классики. Описывая литературные пристрастия эпонимической «богини» — Кэти, повествователь рефлексировал: «Я помню кое-какие ее замечания о книгах... Например, о Г. Дж. Уэллсе. Он напоминал ей рисовые поля в ее родной Калифорнии. Акры и акры сверкающей воды, но глубина везде не больше двух дюймов. Или все эти леди и джентльмены из романов Генри Джеймса; она гадала, как им удавалось заставить себя сходить в уборную»⁴¹.

При всей кажущейся произвольности отсылок к Толстому в прижизненных рецензиях на тексты Хаксли, выстраивается следующий любопытный вектор: от несколько иронических аллюзий — к прямым аналогиям, которые, впрочем, закольцовываются с первой аллюзией А. Моруа на «великих русских».

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Хаксли О. Гений и богиня/Пер. В.Бабкова. М.: Прогресс, 1994. С.290.